

А.В. Бородкин

**«ТРУД ДУХОВНЫЙ» И «ТРУД ДОСТОЙНЫЙ».
ЭВОЛЮЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
во второй половине XVII–начале XX вв.**

Вопрос о происхождении старообрядческих капиталов заинтересовал фискальные органы Российской империи еще в середине XIX столетия. Для современников процесса взаимосвязь предпринимательства и старообрядчества была очевидной. Однако попытка властей обосновать быстрый финансовый рост коммерческих структур находящихся под контролем старообрядческих организаций «благостью фортуны», случайностью и непредсказуемостью отечественного рынка успеха не имела. Слишком трудно было объяснить населению причины, по которым представители одних и тех же национальностей, но относящиеся к пастве разных церквей существенно отличаются в результативности коммерческих начинаний. Все это способствовало *актуализации проблемы*, но не привело к ее научному изучению.

Само явление старообрядчества рассматривалось в качестве духовного, политического, нравственного и социального контекста. Экономическая доминанта настоящего движения игнорировалась намеренно, отчасти в результате отсутствия статистических и экономических источников, отчасти в силу консервативности и ярко выраженного контекстного анализа. Однако еще В.В. Андреев считал, что «сила» старообрядчества «состояла в деньгах, в капиталах»¹. Очевидная констатация факта не объясняла сути проблемы. Образовавшиеся пробелы в отечественной экономической теории поспешили заполнить досужие разговоры о «тайных сектах передающих по наследству огромные капиталы», «особых способах ведения торговли» и, наконец, колдовстве и волховании. Этот достаточно специфический, вернее, примитивный взгляд был продиктован, прежде

всего, принципиальным неверием образованного общества Российской империи, как в собственные силы «староверов», так и в возможность эволюции старообрядчества и инкорпорации его в создавшуюся институциональную структуру сложившейся капиталистической модели. Весьма широко было распространено отождествление старообрядчества с частью ретроградной тенденции, в значительной степени сублимирующей именно консервативные ожидания общества.

Собственно *научное изучение проблемы* связано с трудами исследователей второй половины XX в. А.И. Клибанову принадлежит идея о том, что сама доктрина предпринимательства была заложена в учении старообрядчества. Исследования А.И. Клибанова способствовали разрушению главенствующего в науке представления о старообрядцах, как духовных изолянтах, находящихся в «вечной» стадии накопления первичного капитала. В то же время автор не ставил перед собой цель проследить эволюцию экономического сознания староверов, реконструировать причины и этапы их вхождения в капиталистические отношения. Его в гораздо большей степени интересовал процесс эволюции старообрядчества, приспособления движения к реалиям новой социальной модели, адаптации этого образования к современной автору общественной парадигме².

П.Г. Рындзюнский обосновал теорию роста экономического благосостояния старообрядческих организаций в период развития промышленного капитализма³. В целом, до конца XX в., несмотря на произошедшие геополитические перемены, для отечественной историографии наиболее характерным был трансформированный марксистский взгляд на проблему адаптации российского старообрядчества к условиям рыночной экономики. В настоящее время приходится констатировать, что при наличии целого ряда интереснейших научных исследований, принципиального прорыва в оценке экономической составляющей старообрядчества, не произошло⁴. Исключение составляют работы, авторы которых пытались найти истоки экономической успешности старообрядчества в недрах самого движения ревнителей древнего благочестия. Примером такого рода исследований может считаться, ставшая на настоящий момент хрестоматийной, интереснейшая серия работ В.В. Керова⁵. Ему же

принадлежит заслуга анализа существующей англо-американской историографии проблемы⁶.

В своих исследованиях В.В. Керов объясняет успешность старообрядческой экономической модели, исследует ее связь с факторами, способствовавшими становлению своеобразной «протестантской этики» и «духа предпринимательства». Подобная постановка вопроса является показателем скорее фрагментарной схожести двух течений, нежели их тождества. Однако оригинальность подобного подхода очевидна и лишней раз доказывает возможность весьма неожиданных интерпретаций различных аспектов экономической истории старообрядчества.

В трудах зарубежных авторов проблема развития старообрядческой экономической модели не поднималась, однако общий контекст исследований позволял подробно рассматривать сопутствующую тематику⁷. Отдельные аспекты проблемы являлись предметом исследования в трудах историков стран постсоветского пространства⁸.

Формирование *старообрядческой экономической модели* имеет длительную и достаточно противоречивую историю⁹. Структурное оформление ее теоретической части занимает значительный хронологический период и с определенной долей условности может быть разделено на следующие этапы:

1. Вторая половина XVII в.
2. XVIII–начало XIX вв.
3. Средина XIX–начало XX вв.

На *первом этапе* (60–90 гг. XVII в.) российские старообрядческие организации претерпевают весьма болезненную эволюцию, вызванную поражением в религиозно-идеологическом и политическом конфликте. Собственно *экономическая доктрина* в старообрядчестве, в данный период, отсутствует. Особенностью периода является активизация книжной деятельности, работа по формированию доктриналистики движения. Старообрядческих идеологов интересуют значительные, базовые проблемы апокалипсического цикла, вопросы эсхатологии, мученичества и канонизации. Редкие текстовые фрагменты, посвященные экономической проблематике, затрагивают, преимущественно вопросы о труде.

С определенной долей условности можно констатировать разработку проблематики в двух ракурсах.

1. «Труд духовный». Данный вид труда наивысший, поскольку направлен на самосовершенствование и нравственную проповедь. «Труд духовный» не имеет ничего общего с трудом мирским, направленным на получение средств к физическому существованию. Лучше всего эту мысль выразил в своих сочинениях протопоп Аввакум, указавший, что даже в самые трудные периоды его ссылки необходимо было довольствоваться малым и помнить о том, что труд ради получения пропитания является лишь необходимой поддерживающей частью более значимого труда по духовному самосовершенствованию. «Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила ... на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая, бог так строил»¹⁰.

2. «Труд достойный». Данный вид труда рассматривался как необходимый для поддержания существования семьи. В то же время не существовало его трактовки в контексте постоянного «приростания» имущества, капиталов, собственности, прибавочного продукта. Достойной, то есть приемлемой считалась достаточность получаемого продукта при неременном соблюдении правил труда. Протопоп Аввакум приводит по этому поводу следующий фрагмент причинно-следственной (побудительной) цепи трудовой необходимости: «рыбы никто добыть не может ... от глада исчезаем. Помоля я бога, взял две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки»¹¹.

Несмотря на определенную разницу, обе концепции способствовали достижению одного результата, а сам труд рассматривали лишь как необходимое средство его постижения и обретения благочестивого жития.

Фрагментарно и в строгом контексте эсхатологического спора эта проблема часто затрагивалась в сочинениях так называемых региональных «боголюбцев» и их малоизвестных последователей¹².

Собственно эта формулировка и легла в основу так называемой концепции «брашно вечное», однако ее разработка происходит значительно позднее. В существующей традиции труд воспринимался современниками как физическое «следствие» грехопадения. Следовательно, взгляды старообрядцев мало чем отличались от господствовавшей в российской православной

церкви (Патриаршей) идеи достаточного или «умеренного» труда. Ее суть заключалась в том, что труд не должен отвращать от исполнения того, «чем человек обязан Богу», необходимо в «надеждах и нуждах житейских полагаться на Божье упование, а не ... рассчитывать на изворотливость... ума и обременении трудом себя и своих ближних»¹³.

Весьма пространно подобная точка зрения была сформулирована в трудах протопопа Аввакума¹⁴. Протопоп Аввакум упоминает категорию труда в контексте «молитвенной деятельности» не выделяя тем самым собственно экономическую доминанту термина. Следовательно, идеальная старообрядческая община времен экономической модели «брашно вечное» ведет привычный, устоявшийся образ жизни с традиционным исполнением социальных функций различными членами. Категории экономической деятельности присутствуют в отражении религиозной и социальной жизни. Торговля не приветствуется, и не отвергается, так как закладывает фундамент «брашно земного», тогда как идеалом общинников является достижение благодати в посте, молитве и исполнении древнего канонического обряда. На этом этапе ряд общин изолируются от мира в нежелании заниматься торговлей и любой иной прибыльной (коммерческой) деятельностью с «не чистыми» или «мирскими». Они несут значительные экономические потери и формируют изоляционистские тенденции общественного развития, частью которых можно считать бегство от мира и сознательное нежелание взаимодействия с властями и окружением. Подобные идеи получили значительное распространение в общинах сторонников протопопа Аввакума и среди последователей монаха Капитона Даниловского. В «капитоновщине» данная точка зрения была доведена до своеобразного абсолюта, что, в конечном итоге явилось одной из причин исчезновения движения в районах первоначального распространения (Вологда, Кострома, Ярославль)¹⁵.

Второй период (XVIII–начало XIX вв.) следует признать одним из основополагающих этапов в формировании экономической доминанты старообрядчества. Эпоха петровских преобразований не только вызвала к жизни ранее неостребованную энергию старообрядческого предпринимательства, но и буквально заставила старообрядцев активно включиться в экономическую и хозяйс-

твенную жизнь государства. Немалую роль здесь сыграло обложение старообрядцев двойной податью, а, следовательно, необходимость эту подать заработать. В этом отношении выплата двойной подати стала гарантией исповедания старого обряда, другими словами определенным компромиссом старообрядческого мира и государственных властей. Фактически происходит процесс «обмирщения» части старообрядчества. Прибыльный земной труд, в контексте компромисса со светскими властями, становится гарантией свободной духовной деятельности по «спасению души». Неслучайно в сочинениях идеологов старообрядчества XVIII в. появляются термины: «трудник», «великий трудник» «трудник и радетель», а сам труд назван «благим и богоугодным». Меняется отношение к преуспевающим старообрядцам со стороны официальных властей. Наличие старообрядческого элемента в структуре промышленного и финансового менеджмента этой эпохи очевидно. Однако в большей степени старообрядцы привлекались властью к управлению в качестве регионального управленческого аппарата, реально не влияющего на выбор стратегии финансового развития своих организаций¹⁶. Однако и эта «оттепель» имела для движения вполне ощутимые последствия.

В XVIII в. в старообрядчестве происходит своеобразная *реабилитация торговли*, получившей почетное прозвище «богоугодного дела» и «доброе прикупа». С оригинальными интерпретациями концепции выступают признанные идеологи старообрядчества, например Данила Викулов и Андрей Денисов (руководители Выговской общины). Их можно по праву считать основателями своеобразного старообрядческого учения об *эффективном руководстве персоналом и старообрядческом «менеджменте»*. Известно, что А. Денисов «всяк день надсматривающее работников ... попечения имея ... все добро строиться»¹⁷. Труд в общине был строго регламентирован, фактически были введены служебные обязанности и строгая иерархия сотрудников (старосты, надсмотрщики, радетели и т.д.). В.В. Керов приводит весьма красноречивый факт принципиально нового отношения к экономической составляющей главы старообрядческой общины. «Чтобы стабилизировать положение общины, Денисов в Киеве и других районах «нача из добрых людей, на торг и с половины денег просить ... он же своих людей избрав и начат посылати в

низовые города хлеба покупати и в Санкт-Петербург ставити ... и от того бывшее велие помощь и пособие братству»¹⁸.

Фактически А. Денисова можно считать инициатором введения в старообрядческих общинах принципа маклерской торговли основанной на быстроте перемещения капиталов и товаров. Подобная деятельность приводит к формированию в Выгорецкой общине *концепции «труда благого»* во многом определившей активное отношение старообрядцев к экономической деятельности со середины XVIII в.

Вторая половина столетия стала эпохой юридического оформления права старообрядцев на активное участие во всех видах экономической деятельности. «С первых месяцев царствования императрица Екатерина II начала проводить политику привлечения старообрядцев к более активному участию в жизни Российского общества». Указы 11 октября и 14 декабря 1762 г. были направлены на возвращение в Россию эмигрировавших старообрядцев. Акты 1761, 1763, 1764, 1769, 1782 и 1785 гг. гарантировали старообрядцам права судебного свидетельства, занятие общественных должностей, отменили двойной оклад (подать) и разрешали старообрядцам записываться в любое сословие кроме дворянства¹⁹.

Это напрямую приводит к тому, что с 1764 г. происходит территориальное перераспределение старообрядческих общин. Резко изменяется соотношение городских и сельских старообрядческих центров. Происходит процесс перемещения центров управления старообрядчеством в города. Однако меняется не только место управления общиной, но и представление старообрядцев о времени и текущих задачах руководства. Все больший вес в обществе приобретает богатый, обеспеченный, финансово независимый старообрядец способный субсидировать общину и ее конкретные проекты. К руководству старообрядческими общинами, особенно после проведения в ноябре-январе 1778–1780 гг. в Москве собора Московских и Стародубских старообрядцев-поповцев, стали приходить именитые купцы и промышленники. Первыми руководителями объединенных старообрядческих общин были богатые купцы, уроженцы Гуслицкой волости — традиционного центра текстильного производства России. Им удалось придать части общин староверов ранее не свойственные им

функции коммерческих фирм. «Гуслицкое» руководство общины обеспечивало в столицах интересы немосковских *финансово-промышленных групп*, и имело сеть *контрагентов* в центральной части России (Петербург, Нижний Новгород и т.д.). При этом староверческие организации играли роль *страховых предприятий* гарантирующих выполнение банковских поручений, взаимных платежей, исполнения векселей, надзора и исполнения судебных решений. В одной из таких общин-корпораций начал свою трудовую деятельность Савва Васильев (Морозов), известнейший российский промышленник и предприниматель²⁰.

Отношения правительства со старообрядцами развивается по пути либерализации, от открытых гонений в эпоху Николая I и добродушного игнорирования проблемы при Александре II к прагматичному нейтралитету Александра III. Этим объясняются и аналогичные процессы, протекающие в самом старообрядчестве: от сопротивления режиму в 1825–1860 гг. до нейтралитета в 1860–1881 гг.

В первой половине XIX в. крупнейшие торговые и промышленные фирмы Москвы находились в руках старообрядцев: Морозовых, Рахмановых, Шелапутиных, Рябушинских, Хлудовых, Гучковых и т.д. Фактически формируются старообрядческие банковские, финансовые и промышленные элиты, выступавшие за пересмотр условий деятельности на внутреннем рынке Российской империи. Однако далеко не все политические деятели осознавали необходимость кардинального пересмотра правительственного курса в отношении старообрядцев.

Последний из представителей династии Романовых император Николай II (1894–1917 гг.) начинает свое правление в русле старого семейного принципа: «никаких уступок». Собственно этот тезис он и обосновал в своей тронной речи. Однако вскоре ситуация принципиально изменилась. Новый монарх был вынужден пойти на социальные реформы. Их неизбежность была давно очевидна.

Третий этап (середина XIX–начало XX вв.) характеризуется принципиальными изменениями в формировании старообрядческой экономической модели. Прежде всего, заканчивается правовая дискриминация старообрядцев. Манифест 17 октября 1905 г. провозглашает демократические свободы, в том числе ве-

роисповедания. После либерализации правительственного курса в отношении старообрядцев и ряда соответствующих законодательных актов, значительная часть старообрядцев из «де-факто» оппозиционного лагеря переходит в лагерь проправительственный, обеспечив тем самым «лояльность себя к режиму и режима к себе». Уничтожение последних юридических ограничений, не могло не сказаться на динамике роста старообрядческой экономики. Старообрядческая экономическая модель отлично «вписалась» в систему Российского капиталистического общества. *Общественные капиталы*, вложенные в операции по купле-продаже в XVIII в. и существенно увеличившись, были в середине XIX в. перераспределены между *маклерскими операциями и промышленным производством*.

Сформировавшуюся в условиях монополистического капитализма *старообрядческую торгово-промышленную элиту* уже не устраивала, собственно предпринимательская деятельность. В данном случае процесс становления старообрядческой экономической модели зеркально отразил этапы формирования российского монополистического капитализма.

В целом, уже к 1910 г. система старообрядческих монополий достигает уровня *концернов и синдикатов*. Начинается этап формирования *финансовой олигархии* и сращивания торгово-промышленного и банковского капиталов. В 1914 г. представителями старообрядчества контролировалась значительная часть банковских активов в Санкт-Петербургском международном банке, Нижегородско-Самарском банке, Северном страховом обществе, Частном коммерческом банке и т.д. Аналогичная ситуация наблюдалась и в провинции. Интересы старообрядческих финансово-промышленных кругов были широко представлены в Государственной думе России и во Временном правительстве²¹. Однако приход к власти Советского правительства означал окончание «золотого века» для Российского старообрядчества и свертывание оригинальной экономической модели.

Примечания

¹ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. Спб., 1870. С. 23–25; Сенатов В. Философия истории старообрядчества. М., 1996.

² Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность. М., 1969. С. 6–9.

³ Рындзюнский П.Г. Старообрядческие организации в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории Московской общины федосеевцев в 40 гг. XIX в.) // Вопросы истории, религии и атеизма. М., 1950. С. 60–63.

⁴ Ананьич Б.А. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Л., 1991; Кузмичев А., Петров Ю. Русские миллионщики. Семейные хроники. М., 1993; Брянцев М.В. Концепция труда в расколе // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы научн.-практ. конф. Гомель, 2003. С. 34; Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2001. С. 37–48.

⁵ Керов В.В. Рябушинские: династия старообрядцев-предпринимателей // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 3. М., 1995. С. 9–15; Его же. «Время купли наступает...». Роль коррупции в сохранении и возрождении старой веры в России XVIII–первой половине XIX веков // Старообрядец (Нижний Новгород). 2005. № 33. С. 20–22; Его же. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2001. № 4. С. 18–40; Его же. Община и хозяин: Роль общины в хозяйственной системе старообрядчества // Старообрядец. 2001 № 23. С. 1–4.

⁶ Керов В.В. Старообрядческое предпринимательство: «мифы» и «легенды» англо-американской историографии // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 5. М., 2000. С. 82–86.

⁷ Blackwell W.L. The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early Nineteenth Century Moscow // Slavic Review. 1965. Vol. XIV; Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective. N. Y., 1962; Owen T.C. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambridge, 1981.

⁸ Таранец С.В. Куреневское тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине (1675–1935 гг.). Киев, 1999; Таранец С.В. Джерела з історії старообрядства Правобережної України кінця XVIII–початку XX століття. Київ, 2007 и др.

⁹ Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII–начале XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 4. Боровск, 1995. С. 40–44.

¹⁰ Аввакум протопоп. Избранные сочинения. М., 1998. С. 35.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII века. Источники, типы, эволюция. СПб., 1995. С. 33–40; Бородкин А.В., Витушкин К.В., Гулина Т.И. Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее, будущее. Кострома, 2005; Шахов М.О. Философские аспекты староверия. М., 1998.

¹³ Аполлинарий (Дубинин). Консервативное и новаторское в мышлении. К краткому анализу некоторых заблуждений о жизни современного старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 5. М., 1996. С. 7–9.

¹⁴ Аввакум протопоп... С. 31–33; Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 558, оп. 2, д. 748, л. 176–176 об.

¹⁵ Бородкин А.В. Крестьяне-«капитоны» Верхнего Поволжья XVII века: практическое воплощение старообрядческой экономической теории // Актуальные проблемы современной экономической науки: Материалы междунар. научн. конф. Ярославль, 2008. Т. 1. С. 101–105.

¹⁶ Сборник узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1862; Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Ф. 558, оп. 2, д. 18182.

¹⁷ Керов В.В. Рябушинские: династия старообрядцев-предпринимателей... С. 9–11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ершова О.П. Манифест 17 апреля 1905 г. в освещении периодической печати // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 3. М., 1995. С. 20–25.

²⁰ Соболевская А.А. Духовные истоки старообрядческого предпринимательства // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 87–105; Ее же. Предпринимательский дух в России // Альманах Центра общественных наук МГУ. 1998. № 8. С. 146–174.

²¹ Расков Д.Е. Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. С. 45–48; Расков Д.Е. Старообрядчество: картина мира и хозяйственный стиль // Проблемы современной экономики. 2002. № 3–4. С. 76–79.